

ОБ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА – ДОСТОВЕРНО, ОБОСНОВАННО И ТЕОРЕТИЧНО*

Владимир Михайлович Сырых

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, 2707xyz@mail.ru

Аннотация. В представленном материале излагается совокупность теоретических и методологических требований, которым должны удовлетворять публикации по проблемам истории советского государства и права. Автором названы виды методологических ошибок, допускаемых авторами публикаций и даются рекомендации по их устранению. Делается вывод о том, что задача раскрытия истории советского государства и права может быть решена только на уровне теоретических исследований.

Ключевые слова: советское государство, советское право, исторические исследования, принципы исторического исследования, эмпирические правовые исследования, теоретико-правовые исследования

Для цитирования: Сырых В. М. Об истории советского государства – достоверно, обоснованно и теоретично // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 26–33. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-26-33>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

ON THE HISTORY OF THE SOVIET STATE – RELIABLY, REASONABLY AND THEORETICALLY

Vladimir M. Syrykh

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, 2707xyz@mail.ru

Abstract. The presented material sets out a set of theoretical and methodological requirements that publications on the problems of the history of the Soviet state and law should meet. The author names the types of methodological errors made by the authors of publications and gives recommendations for their elimination. It is concluded that the task of revealing the history of the Soviet state and law can be solved only at the level of theoretical research.

Keywords: Soviet state, Soviet law, historical research, principles of historical research, empirical legal research, theoretical and legal research

For citation: Syrykh V. M. On the history of the Soviet state – reliably, reasonably and theoretically. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):26–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-26-33>

В современной России созданы наиболее благоприятные условия для обоснованного и достоверного изучения истории советского общества и государства со всеми ее плюсами и минусами, зигзагами и отходами от рационального пути формирования и развития первого в истории человечества государства трудящихся масс. Открыт доступ к архивным материалам, упразднены партийный контроль за инакомыслием и цензура печати, предоставлена всем и каждому свобода мысли и слова. Согласно электронным каталогам Российской государственной библиотеки, за период 2000–2022 гг. в фонды библиотеки поступило более 70 000 публикаций

по истории советского государства и права, подготовленных российскими и зарубежными исследователями. К сожалению, в значительной части публикаций подлинно-научный анализ проведен с нарушением основополагающих принципов методологии научного познания – объективности, полноты, всесторонности, обоснованности, конкретно-исторического подхода.

В результате объективная, всесторонняя и обоснованная достоверными фактами оценка исторических событий, мероприятий, действий руководителей партии и советского государства подменяется личностным авторским, сугубо идеологизированным видением исследуемых политико-правовых явлений и процессов. Научное исследование низводится до уровня обыденного сознания, не способного отделить второстепенное от главного, случай от необходимости, домыслы, слухи от научного обоснованного исторического факта. Отрицаются и подвергаются опознанию научно обоснованные положения классиков марксизма, им приписываются положения, которых они не разделяли, и предаются забвению их основополагающие выводы и оценки.

Публикации, объективирующие подобного рода знания, таким образом, не способствуют восстановлению истины по дискуссионным, малоисследованным проблемам истории советского государства, а еще больше запутывают их. Между тем, делом чести современных исследователей является не умножение клеветы и лжи о советском государстве и праве, высказанной ранее, а восстановление истины, исторической правды на уровне эмпирических и теоретических знаний, в которой заинтересованы все патриоты современной России. Ибо нельзя в полной мере оценить преимущества и недостатки современного строя в отсутствие достоверных и научно обоснованных системных знаний предшествующей ему истории советского государства.

Характерно, что историки-антисоветчики не ограничиваются историей советского государства, а с необыкновенной легкостью переносят свой субъективистский подход на исследования истории дореволюционной России. В статье К. П. Краковского «Размышления о судьбах кассационного суда в пореформенной России, спровоцированные книгой А. Н. Верещагина», достоверно и обстоятельно раскрыты основные приемы фальсификации, используемые авторами, испытывающими явную неприязнь к истории советского государства и права и вообще к социалистическим идеям и движениям. Это: традиционное безосновательное навешивание ярлыков на авторов, разделяющие иные взгляды, использование «дурно пахнущих» приемов приписывания оппонентам положений, отсутствующих в их работах, формулирование общих выводов и оценок на основании единичных, к тому же сомнительных фактов, тенденциозное освещение ряда событий и фактов, множественность фактических ошибок и др. В конечном итоге, вопреки основной заповеди историка, нести правду, А. В. Верещагин дает идеологизированную и искаженную картину дореволюционного правопорядка [1].

Основной тезис критиков советской власти сводится к ее обвинению в насильственном захвате власти и установлении диктатуры пролетариата, проведении красного террора. Так, очевидец событий Октябрьского переворота доктор юридических наук, проф. А. И. Ильин был уверен в том, что «революция была срывом в духовную пропасть, религиозным оскудением, патриотическим и нравственным помрачением русской народной души» [2, с. 196]. Аналогичные мысли разделяет современный исследователь Д. Волкогонов, полагая, что красный террор был введен В. И. Лениным затем, чтобы «запугать, подавить террором людей, взять на свое вооружение страх». Белый же террор в основном был инициирован низовыми массами как реакция на большевистские бесчинства».[3, с. 330–331] Еще дальше идет бывший специалист в области марксологии Э. Л. Розин. По его убеждению, идея диктатуры пролетариата не была присуща марксистской доктрине и представляла собой скорее литературную метафору нежели научное понятие. В. И. Ленин, следовательно, придавая первостепенное значение диктатуре пролетариата как средству удержания государственной власти, отходит от марксистского учения и противоречит ему [4, с. 135].

И. А. Ильину, равно как и критикам истории советского государства, которые в настоящее время являются по преимуществу верующими, не мешало было внимательно прочесть Библию, в которой Яхве неоднократно и последовательно утверждал о том, что террор, насилие является

самым действенным средством в деле искоренения устаревших порядков, препятствующих формированию развитию новых и прогрессивных порядков. В 35 книгах из 39 «Ветхого Завета» содержатся призывы к совершению насилия к народам или лицам, прегрешившим перед Богом.

Первый террор был совершен Всевышним в отношении человечества посредством Всемирного потопа, который, согласно Библии истребил всякое сущее от человека до скота его, гадов и даже птиц небесных. Подобная кара была ниспослана Богом за великое развращение людей, помышления и сердца которых были ориентированы на зло в любое время (Бытие 6, 5). Библия описывает и иные случаи коллективной ответственности народов за свои прегрешения перед Всевышним (в частности, города Содом и Гоморра, города и народы земли Ханаанской, переданные в руки Израиля и др.). При этом Всевышний требует проводить тотальный террор: поразить мечом жителей соответствующего города и предать заклятию и его все, что есть в нем: скот, домашнюю утварь. Однако допускались и иные формы террора, в том числе и индивидуальный. Террор оправдывался необходимостью вести действенную борьбу со всяким злом, причиняемым нарушителем, и лишением последнего возможности совершать противоправные неугодные Богу деяния.

Таким образом, террор, проводимый в целях борьбы со злом, признавался Библией сугубо правовой мерой. Он же не единожды сыграл решающую роль в истории человечества, в том числе в ходе буржуазных революций в странах Европы и Америки.

Позитивную роль насилия в истории человечества неоднократно подчеркивал К. Маркс, образно называл его «повивальной бабкой» всякого старого общества, когда оно беременно новым [5, с. 764]. Одновременно он признавался, что буржуазные историки задолго до него открыли существование классов в современном обществе и их борьбу между собой. Свою заслугу в этом вопросе он видел в доказательстве того, что «классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, ...что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [6, с. 127].

Как видим, понятию «диктатура пролетариата» К. Маркса придает решающее значение, напрямую номинируя пролетариат на роль локомотива дальнейшей истории человечества вплоть до построения коммунистического общества. Следовательно, российский пролетариат действовал в сугубо правовом поле, взяв государственную власть в свои руки и применив террор в отношении своих бывших эксплуататоров, выступавших на стороне белого движения.

Однако «известный марксовед» Э. Л. Розин уверяет читателей в обратном. Идея диктатуры пролетариата в марксистской доктрине, по его мнению, представляет собой скорее литературную метафору, нежели научный термин. Следовательно, ленинский акцент на диктатуру пролетариата не имеет ничего общего с марксизмом [4, с. 135]. Побасенка Э. Л. Розина настолько понравилась Л. Ольшанскому, что он ее почти дословно воспроизводит в своей статье «Ленинское наследие» [7]. В то же время, ни профессиональный марксовед, ни его адепт не дали никаких пояснений, какими данными они руководствуются, вступая в противоречие с высказываниями классиков марксизма.

Всем критикам истории советского государства и права для обоснования выводов и положений о произволе и насилии российского пролетариата государственной власти в ходе Октябрьского переворота и проводимого им красного террора в ходе гражданской войны *необходимо доказать*, что насилие в форме террора, применяемое на протяжении всей истории человечества, равно как и положения Библии о терроре как действенном средстве борьбы с устаревшими вредоносными действиями и порядками являются не более, чем заблуждением, вымыслом, противоречащим закономерному прогрессивному развитию человеческого общества. Следует также дать обоснованный ответ на вопрос, почему буржуазия Европы и Америки в ходе буржуазных революций имела право на вооруженный захват государственной власти, на применение террора в отношении своих противников, тогда как российский пролетариат, действуя в аналогичных условиях, подобного права не имел и должен был действовать сугубо демократическим путем, посредством пропаганды, агитации и убеждения?

Другое дело, что российский пролетариат в процессе применения террора вышел за правовые формы, допустил факты грубейших нарушений всеобщих прав человека. Однако, чтобы инкриминировать факты подобного рода, их нужно сообразно требованиям историко-правового метода выявить, обосновать их достоверность, а также раскрыть обусловленность исследуемых фактов конкретно-историческими условиями их непосредственного бытия. Надлежит реализовать, как минимум, такие ведущие принципы диалектического метода познания, как: объективность, полнота, всесторонность, конкретно-исторический подход и обоснованность. Поскольку современные критики советского государства и права пренебрегают названными принципами научного познания, то целесообразно напомнить их содержание и значение.

Первое и непереносимое требование исторического, в том числе и историко-юридического исследования, состоит в том, чтобы собранные факты были истинными, соответствовавшими имевшим место действительным событиям и действиям. По справедливому замечанию В. И. Ленина, «точные и бесспорные факты ... вот, что особенно необходимо, если хотите серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе, сплошь да рядом запутываемом вопросе» [8, с. 350].

Современный исследователь не может самолично наблюдать события прошлого, его основным способом восстановления, реконструкции исторических событий является способ критики (толкования) разного рода письменных документов (источников). Умелое применение названного метода обеспечивает сбор и получение достоверных сведений по предмету исторического исследования. Исторический факт обретает статус научно обоснованного факта лишь после того, как он пройдет основательную проверку на достоверность и будут выявлены бесспорные доказательства его истинности. Ссылка на заимствованные из других работ исторические факты не освобождает исследователя от их проверки на достоверность. В публикации приходится одновременно приводить как достоверные факты, так и свидетельства, доказательства, подтверждающие это их ведущее свойство как эмпирических знаний.

Собранные достоверные факты в своей совокупности, системной целостности должны давать полные и всесторонние знания относительно объекта исторического исследования. Историк не может на основе свойств, присущих одному или нескольким фактам, делать обобщенные выводы, распространять их на всю генеральную совокупность массовидных явлений. «В области явлений общественных, признавал В. И. Ленин, нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры.... Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только упрямая, но и, безусловно, доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже».

Требование сбора максимально полной информации по предмету исторического исследования представляет собой второе непереносимое условие достоверного познания. «Необходимо, отмечал В. И. Ленин, брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания может быть грязного дела» [8, с. 350].

В процессе реконструкции исторических явлений весьма важно отличать их главные ведущие свойства связи от второстепенных и случайных. Как бы ни были красноречивыми отдельные факты, их свойства, историческая правда основывается на обобщенных, типичных данных, присущих всей или большей части массовидных явлений. Решающую роль здесь играет статистика, ее методы, способные достоверно определять диалектику перехода количественных изменений в качественные и наоборот.

Третьим ведущим принципом исторического исследования выступает принцип конкретно-исторического подхода, требующий рассматривать исследуемые явления в обусловленности от конкретно-исторических условий их реально сущего бытия. Одно и то же явление, действующее в различных условиях, может принимать самые различные формы, свойства

и связи. Соответственно, достоверные знания относительно одного явления, действующего в одних конкретно-исторических условиях, могут не в полной мере соответствовать содержанию аналогичного явления, функционирующего в иных условиях. Поэтому в историческом исследовании недопустимы оценки и выводы по аналогии. Анализ каждого конкретного явления должен быть *конкретным*, т.е. доведенным до выявления всей совокупности его связей и зависимостей от реально-сущей действительности. В то же время рекомендуется придавать первостепенное внимание внешним факторам, оказывающим решающее воздействие на содержание исследуемого явления. Поэтому в научном познании «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» [9, с. 290].

Вполне очевидно, что в исследованиях истории советского государства недопустимы любые отходы от вышеизложенных и иных требований методологии научного познания, тем более умышленная фальсификация исторических фактов и выведение основанных на них субъективных оценок, выводов. К сожалению, большая часть «жареных» фактов из истории советского государства и права, на которых возводятся «гневные обвинения» критиков истории советского государства и права, выловлена из мутных сведений сомнительных источников либо фальсифицирована самими авторами, как это имело место в оценках Э. Л. Розина марксистского понимания диктатуры пролетариата. По нашему мнению, следует выделить следующие приемы фальсификации истории советского государства и права, используемые современными авторами.

1. Самым главным вопросом исторической науки, по справедливому признанию В. П. Смирнова, является вопрос о достоверности исторического знания. «Во все времена и во всех странах добросовестные историки стремились дать достоверное изложение событий, отделить добросовестное изложение событий от недостоверных, факты от мифов и вымыслов, подлинные документы от фальшивых» [10]. Однако историки-исследователи проблем советского государства и права не всегда учитывают это первостепенное требование в своих публикациях. Пример этому подал ни кто иной, как дореволюционный историк С. П. Мельгунов, книга которого – «Красный террор в России» – по настоящее время предстает бесценным кладезем сведений и оценок, которые современные исследователи кладут в основу своих обвинений советского государства в террористической деятельности [11].

С. П. Мельгунов честно признался, что не может нести ответственности за достоверность изложенных в названной книге сведений и оценок, поскольку они взяты из разных источников. Он же не может взять на себя ответственность за каждый факт, поскольку «то, что появляется теперь в печати, не может претендовать на характер исследования» [11, с. 5]. Далее, он успокаивает читателя, что опубликованный материал – это не более как схема его будущей творческой исторической работы. Однако с работой что-то не заладилось, она так и не вышла, а собранные «газетные утки» были с благодарностью восприняты российскими историками конца прошлого и начала современного века в качестве «бесспорных свидетельств» террористической деятельности советского государства периода гражданской войны.

Однако следует признать, что С. П. Мельгунов не только добросовестно распространял газетные «утки», но и органично дополнял их. Так, он упоминает о полковнике Перхурове, который якобы полтора года один просидел в тюрьме Особого отдела ВЧК – полуголодный, без книг, без свиданий и даже без прогулок [11, с. 170–118]. Во-первых, автор не мог не знать, что А. П. Перхуров – не простой участник Ярославского восстания, а его непосредственный руководитель. Во-вторых, Перхуров не мог находиться в тюрьме Особого отдела 1,5 года, так как был арестован в мае 1921 г. в Екатеринбурге, а в июне 1922 г. – расстрелян. В-третьих, тюремный режим не был таковым, как его описал С. П. Мельгунов, поскольку заключенный, находясь под стражей, написал брошюру «Исповедь приговоренного», которую закончил 22 апреля 1922 г.

Чаще всего ведущими причинами недостоверной информации (домыслами, фантазиями, использования сомнительных документов и др.) публикаций по проблемам истории советского государства и права выступают отходы, отступления их авторов от требований методологии исторических исследований. Этим могут быть заимствование информации

из других публикаций без надлежащей проверки на достоверность, использование сомнительных документов, некритический анализ архивных данных, поскольку содержащиеся в них документы могут содержать недостоверные сведения, измышленные их авторами в целях придания провальным мероприятиям видимости успешной деятельности, либо на основании липовых рапортов низовых организаций. Таковыми могут быть также признательные показания подследственных, данные под пытками и др.

2. Российские историки-правоведы в процессе раскрытия особенностей строения и функционирования исследуемых явлений по преимуществу ограничиваются, судя по обстоятельствам, кратким или системным описанием выявленных фактов в конкретно-историческом, хронологическом порядке. Получается нечто вроде современной летописи, отражающей лишь временную последовательность выявленных фактов. Однако подобные данные не завершают исторического описания, а лишь начинают его тем, что характеризуют временной аспект исследуемых явлений. В то же время суть исторического познания кроется в ином, в системном анализе исследуемого явления, раскрытии его сути, содержания и особенностей.

Историк должен дать полное и развернутое представление о явлении, которое существовало ранее, таким образом, чтобы читатель мог понять, о каком явлении идет речь, в каких целях оно возникло, какую имело структуру и насколько успешно действовало в непосредственной действительности. Для такого системного описания исследователю недостаточно приведения одного или двух примеров, либо абстрактной оценки автором явления. Требуется выявление значительной совокупности достоверных фактов, позволяющих их составить развернутое, точное и образное панно исследуемого явления. Подобная процедура сходна с составлением мозаики, когда из отдельных разноцветных кусочков смальты формируется красочное панно. Вполне понятно, что для успешного описания исторического явления во всем многообразии его компонентов и их связей потребуется одновременное использование не одного или нескольких фактов, а, по образному выражению В. И. Ленина – их Монблан. При этом, что особенно важно, анализ не может сводиться только к изложению содержания действующего законодательства.

Между тем, в историко-правовых исследованиях описания правовых явлений и процессов зачастую ограничиваются изложением соответствующих нормативных установлений: на такой орган возлагались такие-то и такие задачи, субъекты права имели ряд демократических прав, которые использовались ими в таком-то установленном законом порядке. Однако, как правило, отсутствуют данные о процессах реализации норм права в конкретных отношениях, наступивших результатах и причинах недостаточной эффективности норм права. В результате исследования история права на деле предстает в лучшем случае историей законодательства. Однако развернутое системное описание истории права не является конечной целью исследования, требуется идти еще дальше – к анализу его взаимосвязи с реально сущей действительностью.

3. Одна из наиболее распространенных и грубейших ошибок авторов публикаций по истории советского государства и права, по нашему мнению, состоит в описании событий либо догматического анализа законов, иных источников права *без раскрытия конкретно-исторических условий* возникновения и функционирования исследуемых явлений и многообразных связей, воздействовавших на их динамику и завершение.

Так, Н. А. Петухов в монографии «История военных судов» описывает историю принятия советским государством первых трех декретов о суде, в чисто телеграфном стиле излагает их основные положения, но ничего не говорит об истории их создания и причинах, побудивших советскую власть в течение года трижды менять порядок деятельности советского правосудия [12, с. 167–170]. Декрет СНК РСФСР № 1 «О суде» был опубликован 7 декабря 1917 г., Декрет № 2 был принят ВЦИК 7 марта 1918 г., а декрет № 3 – СНК РСФСР 20 июля 1918 г. Между тем, причины имеют значительный интерес, поскольку являются бесспорным свидетельством тому, что эсеровский подход к правосудию по всем параметрам превосходил большевистские декреты о правосудии № 1 и 3.

Декрет № 1 «О суде» больше запрещал, чем устанавливал основы правосудия. Созданные местные суды Советской республики могли рассматривать гражданские дела по искам, цена которых не превышала 3000 руб., и уголовные дела, предусматривающие наказание не более 2 лет лишения свободы. Порядок рассмотрения иных, более сложных дел, Декрет не устанавливал. Недостатки советского законодательства о правосудии были исправлены усилиями эсеров, вошедших в состав СНК РСФСР и ВЦИК. Подготовленный ими проект Декрета № 2, принятый ВЦИК, создавал стройную систему народных судов, порядок рассмотрения решений по гражданским и уголовным делам в кассационной инстанции, а также разрешал руководствоваться дореволюционным законодательством, не противоречащим законам советского государства. Но большевикам такое правосудие было не по нраву, и как только эсеры вышли из СНК РСФСР, они вновь вернулись к своему законодательству, упрощающему порядок рассмотрения уголовных и гражданских дел, создающему дополнительные условия для нарушения законности [13, с. 239–270].

Анализ конкретно-исторических условий возникновения и функционирования исследуемых явлений является необходимой процедурой всякого исторического изучения права и государства, поскольку позволяет установить многие значимые обстоятельства и связи, которые установить иным способом не представляется возможным. Это, в частности, сведения, о: 1) причинах становления исследуемого явления; 2) системе факторов, оказывавших на него интенсивное воздействие и выступавших в качестве причин его последующих изменений и усовершенствований; 3) эффективности действия, исследуемого в процессе его функционирования; 4) о воздействии правовой культуры населения на эффективность действия исследуемого явления.

4. Еще один существенный недостаток историко-правовых исследований российских правоведов состоит в их по преимуществу описательном эмпирическом характере. Историки редко поднимаются до уровня теоретических обобщений и выводов. Тем самым научный потенциал исторических исследований реализуется не полностью, а их глубинная суть – раскрытие особенностей проявления закономерностей правовых явлений сообразно конкретно-историческим условиям их бытия – остается недостигнутой. Ибо историю советского общества, государства и права невозможно понять и объяснить на эмпирическом уровне. Для этого требуется теоретический анализ, включающий в себя, во-первых, раскрытие *закономерностей* становления, формирования социалистической формации в условиях Союза ССР; во-вторых, определение *уровня соответствия мероприятий* партии и советского государства, проведенных в 1917–1991 гг., выявленным закономерностям; в-третьих, установление и обоснование *совокупности субъективных деяний партии и советского государства*, не соответствующих закономерностям построения социализма в СССР; в-четвертых, выявление *результатов негативного воздействия субъективистских решений* партии и советского государства на ход и результаты строительства социализма в Союзе ССР.

Эмпирические исследования истории советского государства и права, проведенные со значительными отступлениями от принципов диалектики и правил исторического метода, способны плодить только разнообразные, в том числе и несообразные смыслы, которые к подлинному научному знанию прямого отношения не имеют.

Список источников

1. Краковский К. П. Размышления о судьбах кассационного суда в пореформенной России, спровоцированные книгой А. Н. Верещагина «Кассационный сенат. (1866-1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи» (М.: Издательская группа «Закон», 2022. – 616 с.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 146–159. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-4-146-159>
2. Ильин И. А. Русские писатели, литература и художество : Сб. статей, речей и лекций; Под ред. Н. П. Полторацкого. Вашингтон : Русское книжное дело в США, 1973. 285 с.
3. Волкогонов Д. Ленин. Т. 1. М.: Новости, 1994.

4. Розин Э. Л. Ленинская мифология государства. М.: Юристъ, 1996. 320 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Политиздат, 1960.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. М.: Политиздат, 1960.
7. Ольшанский Л. Ленинское наследие // <http://www.proza.ru/2017/11/29/421>
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 30. М.: Политиздат. 1977.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. М.: Политиздат 1977.
10. Смирнов В. П. О достоверности исторического знания // http://scahi.org/download/smirnov_dostovernost_znania.pdf
11. Мельгунов С. П. Красный террор в России. М.: СП «PUICO», 1990.
12. Петухов Н. А. История военных судов России. М.: Норма, 2003. 345 с.
13. Сырых В. М. История суда и правосудия в России. Т. 6. М.: Норма, 2021.

References

1. Krakovskiy K. P. Reflections on the fate of the Court of cassation in post-reform Russia, provoked by A. N. Vereshchagin's book "The Senate of Cassation. (1866-1917). Essays on the structure and activities of the Supreme Court of the Russian Empire" (Moscow: Pravo Publishing Group, 2022. – 616 p.). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(4):146–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-146-159>
2. Ilyin I. A. *Russian writers, literature and art: Collection of articles, speeches and lectures; Edited by N. P. Poltoratsky*. Washington, DC : Russian Book Business in the USA, 1973. 285 p. (In Russ.)
3. Volkogonov D. *Lenin*. Vol. 1. Moscow: News; 1994. (In Russ.)
4. Rozin E. L. *Lenin's mythology of the state*. Moscow: Jurist; 1996. (In Russ.)
5. Marx K., Engels F. *Essays*. Vol. 23. Moscow: Politizdat; 1960. (In Russ.)
6. Marx K., Engels F. *Op*. T. 28. Moscow: Politizdat, 1960. (In Russ.)
7. Olshansky L. *Leninist heritage*. Available from: <http://www.proza.ru/2017/11/29/421>. (In Russ.)
8. Lenin V. I. *Complete works*. Vol. 30. Moscow: Politizdat; 1977. (In Russ.)
9. Lenin V. I. *Complete works*. Vol. 42. Moscow: Politizdat; 1977. (In Russ.)
10. Smirnov V. P. On the reliability of historical knowledge. Available from: http://scahi.org/download/smirnov_dostovernost_znania.pdf
11. Melgunov S. P. *Red terror in Russia*. Moscow: SP "PUICO"; 1990. (In Russ.)
12. Petukhov N. A. *History of military courts of Russia*. Moscow: Norma; 2003. 345 p. (In Russ.)
13. Syrykh V. M. *History of court and justice in Russia*. Vol. 6. Moscow: Norma; 2021. (In Russ.)

Информация об авторе

В. М. Сырых – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия.

Information about the author

V. M. Syrykh – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Russian State University of Justice.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.02.2023; одобрена после рецензирования 07.03.2023; принята к публикации 09.03.2023.

The article was submitted 25.02.2023; approved after reviewing 07.03.2023; accepted for publication 09.03.2023.